

**ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕК В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. ХАЙДЕГГЕРА И И. БРОДСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ЧАСТЬ РЕЧИ»)****Постникова С.И.,****научный руководитель д-р филол. наук Говорухина Ю.А.*****Сибирский федеральный университет***

«В начале было Слово» [Иоанн 1:1]. Оно было не только началом мира и Евангелия от Иоанна, но и корневым понятием для лирики И. Бродского и философии М. Хайдеггера. Мы можем не соглашаться с тем, что вторая часть предложения – «Слово было у Бога» - может в полной мере относиться к произведениям как поэта, так и философа [Там же]. Однако, продолжая следовать за мыслью апостола, мы вправе соединить с именами И. Бродского и М. Хайдеггера последующее выражение: «Слово было Бог» [Там же].

Ибо язык есть основа, а «творчество по сути своей молитва». В стихотворении И. Бродского «Похороны Бобо» слово видится началом начал: жизни как таковой, творческой эпохи в духе Ренессанса, художественного произведения, слава которого прогремит в веках. Жизнь циклична: «И новый Дант склоняется к листу / и на пустое место ставит слово». Времена меняются, но образцы мирового литературного значения уже прочно закреплены в веках, большего величия достичь невозможно, большим талантом обладать нельзя. Человек мал и единичен. Слово же неиссякаемо, ново, не повторяется. Слово связывает века и сущности, обитает в иных, высших сферах.

Ибо язык есть «дом бытия». Человек смертен, язык вечен. Человек – гость языка, средство для его «выговаривания», потому что «язык говорит». Язык открывает человеку тайны Бытия, существования в мире и «Там, за нигде, за его пределом / – черным, бесцветным, возможно, белым». Бытие, в отличие от существования и экзистенции, находится вне достигаемого (по крайней мере, физически) для человека. И слово призвано помочь вопрошающему Бытие человеку.

Итак, единственная возможность открыть двери в сокровенное жилище – Слово, язык, то есть «нечто вроде длящейся памяти о Бытии». Однако с течением времени и развитием цивилизации Слово покрывается пылью, его значение засоряется, что, несомненно, перекрывает нам путь к постижению и открытию Бытия. В этом случае на помощь приходит поэзия – «чистый говор» языка.

Через поэтическое слово, оставшееся незапятнанным, человек вероятнее откроет путь к Бытию. Поэты и мыслители выступают в качестве хранителей жилища Бытия – они даже не являются творцами в подлинном смысле этого слова. Высочайшая удача, напротив, состоит в том, что поэзия «не связана с личностью и именем поэта».

«На самом деле, поэт – слуга языка. Он и слуга языка, и хранитель его, и двигатель», - читаем уже у И. Бродского. Причина создания стихов, по мнению поэта, - язык, а не то, что «она ушла»: «Все, что творил я, творил не ради я/ славы в эпоху кино и радио, / но ради речи родной, словесности» [Бродский, 1972 год, 1972]. Слово в контексте данных высказываний, данных И. Бродским в интервью, вновь предстает довлеющей над человеком силой. В сборнике «Часть речи» лирический герой нередко «сжимается», «сворачивается» до слова, иероглифов, знаков. В стихотворении «Бабочка», например, человек редуцируется до «бормочущего комка слов, чуждых

цвету», до живой речи, до голоса, произносящего рваные, скомканные слова [Бродский, Бабочка, 1972]. «Я» лирического героя угадывается по автохарактеристике: живая речь, похожая на речь с ума сшедшего, остается единственным способом опознания, ключевой чертой человека. Человек как физическая субстанция уходит в небытие; единственная связь между его сознанием и миром живых, полноценных людей – язык.

Выбор сборника «Часть речи» для анализа неслучаен. В 1972 году (именно тогда было написано большинство стихотворений, вошедших в данный сборник) И. Бродский был выслан из СССР, а это фактическая оторванность от старой культуры, привычного круга, родной речи. Поэт остается «один на один с языком». Язык становится ядром его лирического творчества, опорой в изгнании. Известный бродсковед В. Полухина характеризует данный период в жизни и поэзии И. Бродского следующим образом: «Одержимый служением русскому языку, Бродский погрузился в язык. И язык стал его домом в бытии, его второй родиной». Переключки с философской концепцией М. Хайдеггера очевидны.

Одной из выдающихся характеристик поэзии для И. Бродского является «нейтральность звука, нейтральность голоса». В поэзии говорит язык – даже тогда, когда самого лирического героя в этом мире уже нет.

В заключительной строфе «Писем к римскому другу» мы не можем увидеть лирического героя – человека, который думает, чувствует, делится воспоминаниями. Окружающий мир по-прежнему находится в движении: «Понт шумит за черной изгородью пиний. / Чье-то судно с ветром борется у мыса» [Бродский, Письма к римскому другу, 1972]. Ничего не изменилось с исчезновением того, кто может описать происходящее. Текст живет даже после того, как перестает писать рука, творившая строки: лирического героя нет, а текст есть; скамейка разохлась, а труд Плиния Старшего, созданный за несколько веков до этого, по-прежнему читается поколениями. Слово не умирает, соединяя душу поэта (в этом контексте ее символизирует дрозд) с настоящим: душа продолжает жить даже после смерти, даже тогда, когда небытие (кипарис) покрывает ее своей шевелюрой. Язык говорит, и лирический герой (/поэт), которого уже нет в стихах, олицетворяет Слово. Язык говорит, и человек – орудие языка. Именно потому с уходом человека в мир небытия связь языка и бытия не прекращается. Мир и язык остаются.

В лирике И. Бродского язык нередко выступает в качестве медиатора между миром живых и миром небытия. Слова растворяются во времени, как исчезает из мира бытия прах человека; и ничто не может остановить этот неизбежный процесс: «Маршал! поглотит алчная Лета / эти слова и твои прахоря» [Бродский, На смерть Жукова, 1973]. Тем не менее, слово (в данном контексте – слово о славе) представляется хоть и «жалкой лептой», но единственным (ибо альтернатив ему в тексте стихотворения нет) способом поблагодарить хоть и умершего, но великого человека. Слово пробивается сквозь пелену смерти: лирический герой (/поэт) просит уже мертвого Жукова принять его хвалу так, как будто человек за гранью бытия действительно может это сделать, как будто он жив. Таким образом, слово предстает проводником между «этим» миром и миром «за гранью».

Язык у М. Хайдеггера и И. Бродского не опускается до функции простого соединения современников посредством общения между ними. Философ считает, что нельзя ограничивать сущность языка традиционными характеристиками. У И. Бродского лирические герои слишком часто изолированы от общества. Например, в

стихотворении «Тихотворение мое, мое немое...» лирический герой (/поэт) настолько одинок, что беседует со своим стихотворением. Отчаяние и тоска его влияют на творчество. Казалось бы, произведение создано: буквы составляют слова, фразы – строчки, стихотворение в целом имеет звук и смысл. Но это – «тихотворение», притом «немое» (не-моё, не вслух, не высказавшее), сопоставимое с парадоксальными стихотворениями «Невыразимое» у В. Жуковского и «Silentium» у Ф. Тютчева. Чувства в их полноте выразить нельзя, пожаловаться некому. Комок слов застрял где-то внутри – отдельные слова выпутываются из клубка, вырываясь наружу, но выплюнуть, вытащить все то, что запряталось глубоко, невозможно. Потому - «Язык говорит, как звон тиши».

Слово в поэзии И. Бродского и философии М. Хайдеггера является проводником, но не в традиционном его понимании. Разговор, в первую очередь, - не «звуковое сообщение и выражение человеческих переживаний», а язык – не орудие человеческого общения. Поэзия – «абсолютный уровень языка».

Для И. Бродского язык слово представляется связующим звеном между небытием и миром живого. Для М. Хайдеггера оно воплощается в человеке, помогает ему встать в «просвет Бытия». Человек и Бытие становятся взаимопроникновенными и взаимонаправленными.

Казалось бы, точки зрения поэта и философа сталкиваются в направленности связующей функции языка. Но в Бытии, по М. Хайдеггеру, обитает Небытие – как нечто в сущем. «Человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто». Следовательно, человек, который через язык постигает Бытие, через него же заглядывает и в Небытие. Поэтическое творчество И. Бродского можно назвать литературным воплощением философской концепции М. Хайдеггера.